

—

В день своего восемнадцатилетия Ян Цзяшэн получил свою первую зарплату в «Обещаю, вам понравится» — три тысячи юаней. А еще он получил первый праздничный «красный конверт» от босса Сюй Шуньхэ — двести юаней, но Ян Цзяшэн его не принял.

На следующее утро, когда он собрался в уборную почистить зубы, Сюй Шуньхэ как раз вышел оттуда после умывания. Челка на его лбу намокла и мягко свисала вниз. Глаза у него были очень темными, а кожа — белой; он выглядел так молодо, что никак нельзя было дать ему почти тридцать. Ян Цзяшэн иногда задумывался: неужели ему действительно двадцать девять? Может, он специально набавляет себе возраст, чтобы казаться солиднее в глазах помощника и поддерживать авторитет босса? Но тут же одергивал себя — эта мысль казалась смешной.

Когда Ян Цзяшэн встал перед зеркалом, столешница, как и всегда, была вытерта насухо. Даже зная, что следом придет другой человек и снова всё забрызгает, Сюй Шуньхэ неизменно прибирал за собой после каждого умывания.

Ян Цзяшэн закончил умываться и как раз протирал кран и столик маленькой тряпкой, когда Сюй Шуньхэ заглянул внутрь и бросил: «Прими уже красный конверт». Не успел парень ответить, как тот уже ушел месить тесто.

Утром время летело незаметно: теперь им двоим нужно было приготовить четыреста баоцзы, сто обычных маньтоу, сто маньтоу с коричневым сахаром, две сотни чайных яиц и четыреста стаканов соевого молока. Одно только тесто Сюй Шуньхэ замешивал трижды. Сначала — для баоцзы, затем — для обычных маньтоу, а в тесто для маньтоу с коричневым сахаром нужно было добавлять коричневый сахар. Он куда более липкий, чем обычный, так что здесь требовались особая сноровка и терпение. После замеса нескольких десятков цзиней теста на лбу Сюй Шуньхэ выступил пот.

— Отдохни немного, — сказал Ян Цзяшэн. — Давай я тесто для маньтоу домешу.

Сюй Шуньхэ взглянул на него, улыбнулся и ответил:

— Да не устал я, это разве работа? Раньше, когда я в большой закускойной вкалывал, за утро по сто цзиней месил! Если хочешь научиться, начни с теста для баоцзы. С маньтоу сложнее: тут нужна сноровка, чтобы они вышли мягкими и пышными. Нужно правильно вмешать старую закваску в свежую массу, распределить всё равномерно — только тогда они поднимутся как надо и будут ароматными! Если тесто хорошее, после варки запаха дрожжей совсем нет, только аромат муки. Я разрыхлитель не добавляю. С ним маньтоу раздуваются огромными, но вкуса в них нет.

Разминая тесто, Сюй Шуньхэ попутно обучал Ян Цзяшэна, подзывал его поближе, показывал движения и объяснял тонкости. Ян Цзяшэн же просто боялся, что у того затекут руки, и хотел подменить. Он и не думал, что в замесе столько нюансов, поэтому пришлось внимательно слушать, не отрываясь от мытья яиц. По сравнению с тестом, мыть яйца и бобы было сущей ерундой.

Когда две сотни яиц отправились томиться в большую электрокастрюлю, подспела первая порция соевого молока. Ян Цзяшэн засуетился: перелить молоко в термопот, вымыть машину, промыть вторую порцию бобов, отварить их...

Круговорот событий, повторяющийся изо дня в день.

Даже в условиях крайней загруженности все детали должны были строго соответствовать инструкциям Сюй Шуньхэ. Если положено варить бобы десять минут — значит, десять минут, и ни секундой меньше. Даже если следующая порция молока катастрофически не успевала к приходу толпы, эти десять минут были законом.

Иногда, в самый пик, когда звук из терминала оплаты беспрерывно частил «динь-динь», невозможно было разобрать, сколько заплатил предыдущий клиент. Огромный бак с молоком пустел в мгновение ока. Те, кто не слишком спешил, узнав, что новую порцию ждать еще пять минут, оставались стоять у дверей — принципиально желая получить молоко именно из «Обещаю, вам понравится».

Ян Цзяшэн нёс термопот, чтобы наполнить его соевым молоком, а Сюй Шуньхэ упаковывал заказы у прилавка.

Пока горячее молоко с шумом лилось из крана в бак, Ян Цзяшэн услышал, как одна из тетушек в очереди вполголоса беседует с Сюй Шуньхэ.

Говорили тихо, парень разбирал лишь обрывки фраз.

«...лишние руки... это хорошо...»

«...и то верно, сколько ты ему в месяц...»

«...жениться пора... вдвоем-то сподручнее... дела в гору...»

«...родственник твой?.. Брат? Такой черный и высокий... с виду характер тяжелый...»

Характер у Ян Цзяшэна и впрямь был не сахар, это факт. Он дрался с самого детства: кто косо посмотрит — сразу в лоб. Повзрослев, он стал сдержаннее, но с такими типами, как шурин прораба, разговоры всё равно заканчивались кулаками.

Молоко набралось. Ян Цзяшэн плотно закрутил кран и закрыл крышку бака.

Он услышал мягкий, с улыбкой, голос Сюй Шуньхэ:

— Просто неразговорчивый, но на самом деле очень славный и к работе прилежный.

Ян Цзяшэн подхватил бак, вернул его на прилавок и начал стакан за стаканом разливать молоко. Наполнял на восемь десятых, закрывал крышкой и выставлял ровными рядами, чтобы клиенты могли сразу забирать заказы.

Тетушка, ждавшая молоко, заметила:

— Всё-таки ваше молоко — лучшее. Я лучше пять минут подожду, чем пойду к другим. Эх, Сюй Сюй, тебе бы еще пару помощников взять. Дела-то как идут! Расширяться надо!

Сюй Шуньхэ, не переставая упаковывать баоцзы, рассмеялся:

— Да куда уж мне, даже не мечтаю об этом.

Тетушка пикнула кодом оплаты:

— А чего тут не мечтать? Женишься, хозяйку в дом приведешь, ребеночка родите — вот и расширишься! Ладно, пойду я, мой там дома баоцзы заждался.

— До свидания, берегите себя, — отозвался Сюй Шуньхэ.

Среди утренних клиентов было много вечно спешащих офисных служащих и студентов, опаздывающих на занятия. Но после половины девятого приходили те, кто никуда не торопился: дедушки, бабушки или молодежь со свободным графиком. Пенсионеры были самыми дотошными — они охотно ждали, пока приготовятся баоцзы или дойдет молоко. Некоторые специально приходили попозже, чтобы заполучить самые пропитанные маринадом чайные яйца. В ожидании они болтали друг с другом и частенько втягивали в разговор Сюй Шуньхэ. Все звали его «Сяо Сюй», и казалось, они знают в этой лавке каждую трещинку.

Даже если в лавке меняли дизайн стаканчиков для молока, они обязательно об этом спрашивали. А уж новый помощник Ян Цзяшэн и вовсе стал центром внимания. Раз в несколько дней кто-нибудь обязательно допытывался у Сюй Шуньхэ:

— Помощника взял, значит?

— Тебе скоро тридцать, пора бы жену в лавку звать!

— Родственник из деревни?

— Брат твой, что ли?

— Сколько лет парню? О, восемнадцать уже? Не учится больше? А чего бросил?

— Высокий какой! Чем ты его кормишь?

Ян Цзяшэн был в маске, но люди, казалось, кожей чувствовали, что к нему лучше не лезть — больно колючий. Даже спрашивая о нем, они обращались к Сюй Шуньхэ, хотя сам Ян Цзяшэн стоял прямо перед ними.

— Учился плохо, вот и бросил, — Ян Цзяшэн поставил стакан молока перед любопытным дедом и без тени эмоций добавил: — Ем в основном баоцзы и чайные яйца. Ем их без остановки.

Дед быстро пикнул оплатой и испарился.

Сюй Шуньхэ едва не задохнулся от смеха.

Ян Цзяшэн не понимал, что тут смешного. Этот старик был просто кладезем беспардонности: до всего ему есть дело — и до чужой учебы, и до чужой женитьбы.

Сюй Шуньхэ же всё посмеивался и посмеивался. Когда в тот день был продан последний стакан молока, он выловил из кастрюли последнее, самое темное и пропитанное яйцо.

— На, ешь. Ешь побольше, еще подрастешь, — с улыбкой сказал он.

Он еще и стакан молока припас для Ян Цзяшэна — втихаря, чтобы последний клиент не спросил: «О, а это разве не продается?». В молоке со дна термопота всегда остается немного осадка, оно не такое вкусное. Поэтому Сюй Шуньхэ заранее отливал стакан и прятал его греться в пароварку специально для помощника.

Ян Цзяшэн в два укуса съел яйцо и принялся медленно пить молоко.

Последнее яйцо, томившееся в кастрюле до самой последней секунды, определенно было самым вкусным из двух сотен.

И припрятанное молоко тоже было особенным — из тех вещей, что жалко продавать чужим.

«На сегодня всё распродано».

Сюй Шуньхэ достал телефон и выложил пост в WeChat. Он всегда оповещал соседей, подписанных на него, чтобы люди не бежали в лавку зря. Заодно он листал ленту — не пишут ли чего интересного о районе: где открылся новый супермаркет, где на рынке акция на овощи или яйца со скидкой...

Ян Цзяшэн неспешно допивал молоко, глядя на увлеченного телефоном Сюй Шуньхэ.

Девятичасовое солнце заливало вход в лавку, ложилось на прилавок и на волосы Сюй Шуньхэ. Он весь будто светился в этих лучах; глаза сощурены, а каждая волосинка казалась золотой.

Ян Цзяшэн внезапно выпалил:

— Гэ...

Едва звук сорвался с губ, он понял, что оговорился. Наверное, он хотел сказать «ты» или «босс»...

Но он ошибся. Подсознательно, естественно, без всякой причины он назвал его «гэ».

Он хотел было поправиться, но Сюй Шуньхэ поднял голову и отозвался:

— А?

— ...отойди чуть в тень, солнце глаза слепит.

— А, точно, — Сюй Шуньхэ отступил на шаг и снова уткнулся в телефон, читая сообщение о скидках в магазине.

Ян Цзяшэн облегченно выдохнул. Он решил, что Сюй Шуньхэ не расслышал.

Спустя минуту, когда Ян Цзяшэн начал убирать прилавок, Сюй Шуньхэ наконец убрал телефон и сказал:

— Раз уж назвал меня гэ, то прими мой подарок на день рождения, понял?

Ян Цзяшэн замер.

В итоге он всё-таки открыл тот «красный конверт», срок действия которого истекал через пару часов. Принял деньги.

И с того дня стал называть Сюй Шуньхэ — гэ.

—